

**«МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ», ЗАДУШИВШИЕ БОЛЬШУЮ
ЛИТЕРАТУРУ¹**

По завершении эпохи Ельцина критическое состояние современной русской литературы приобрело совершенно очевидный характер. Как-то сразу стало ясно, что у неё нет героя. Точнее, есть, но какой-то мелкий. Не маленький, а именно мелкий. Между тем людям уже нужен другой герой.

¹ Литературная газета, 2009, №11. 18-24 марта. С. 7

Несмотря на то, что в электронных СМИ по-прежнему доминируют идеология, этика и эстетика «депрессивных девяностых», настроение нашего общества за последние десять лет радикально изменилось. Первым, как это часто бывает, отреагировало кино. На рубеже столетий вышли на экраны фильмы Алексея Балабанова «Брат» и «Брат-2», где мы увидели в исполнении безвременно погибшего Сергея Бодрова героя, живущего не по воле обстоятельств, а вопреки обстоятельствам, по собственной воле. Он вовсе не сверхчеловек, но уже и не «гомо ельцинус». Эти фильмы, обладающие довольно скромными художественными достоинствами, стали, что называется, культовыми, хотя не получили широкого международного признания. А вот отмеченный престижной международной премией фильм Андрея Звягинцева «Возвращение», которому пророчили большое будущее, культовым не стал. Его вообще как-то быстро забыли. Вряд ли причина в том, что зрители разгадали антихристианские иносказания «Возвращения». Им явно не понравился герой, безуспешно пытавшийся привить своим сыновьям, типичным «гомо ельцинусам», мужские качества. Они бы предпочли героя, которому бы это удалось. Потому что пришли другие времена. Россия снова становится великой державой, и ей, соответственно, нужны иные герои.

Они есть уже в жизни. Как не похожи на затюканных солдатиков времён перестройки и первой чеченской войны ребята, наголову разгромившие за пять дней грузинских агрессоров, натасканных американскими инструкторами! Раскованные, непосредственные, но с твёрдым взглядом, с расправленными плечами, уверенные в себе, в справедливости своего дела, в силе державы, что находится за их плечами. Это, глядя на них, сказал старик из Цхинвала: «Спасибо великому русскому народу».

Итак, слово прозвучало. На арену мировой истории возвращается великий русский народ, пусть и в числе тех, кто пришёл на помощь Южной Осетии, были не только русские, но и дагестанцы, татары, буряты, чеченцы... Но мы и есть все вместе великий русский народ. Так, во всяком случае, было раньше. «Советский народ» появился только в 1922 году, пресловутые «россияне» – в 1991-м. Но для всего мира мы, такие разные, были и остаёмся русскими. С детской непосредственностью эту мысль высказал футбольный комментатор дагестанского радио перед матчем Россия–Швеция на Евро-2008, глядя на агрессивное поведение шведских болельщиков: «Мы должны победить, ведь мы их били на Чудском озере, под Полтавой!». В данном случае важно не то, что Александр Невский бил шведов вовсе не на Чудском озере, а то, что дагестанец считает это нашим общим делом.

На упомянутом матче России со Швецией наши болельщики, русские и нерусские, развернули огромный баннер с портретом Петра Великого. И это был не только намёк на Полтаву. Пётр I сегодня – один из главных государственных символов. Он долго был одним из лидеров телепроекта «Имя Россия». Вообще среди 12 финалистов проекта нет так называемых «маленьких героев» – только «большие». Немного помелькал вверху списка Владимир Высоцкий – и исчез.

Люди живут с надеждой на возрождение нашей страны, отсюда и выбор ими героев – в истории, повседневности, политике, спорте, искусстве... Даже телевидение, которое по праву можно назвать электронной лабораторией «гомо ельцинусов», откликается на этот, как говорят, вызов времени.

И только художественная литература плетётся в хвосте. Её, как поверженного Гулливера, облепили герои-карлики, связали по рукам и ногам. Идейные, политические взгляды писателей при этом не имеют особого значения. Как бы ни относились они к своим героям, с какой бы целью их ни изображали, все они – хорошие, плохие и «амбивалентные» – карлики. Я вовсе не хочу сказать, что герой-карлик недостоин изображения. Но механическая замена безжизненных истуканов на гримасничающих лилипутов мне, например, не по душе. Хотелось бы, знаете, увидеть и нормальных людей. Я также не стану утверждать, что писатели совсем не делают попыток «укрупнить» героя, и даже могу привести примеры, кто это делает. Но стоит ли? Имя настоящего, фактурного литературного героя, как правило, известнее имени его автора. Далеко не все знают, кто снял фильмы «Брат» и «Брат-2», а вот имя Данилы Багрова знают все. А вот если имя литературного героя даже не задерживается в нашей памяти, значит, не очень он и удался, этот герой.

Но, может быть, я не прав концептуально, потому что русская литература – это литература о «маленьком человеке», «бедных людях», «униженных и оскорблённых»? Ведь сказано: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели». Но вот, например, Шолохов, никогда не скрывавший влияния Гоголя на своё творчество: он из «Шинели» вышел или, скажем, из «Тараса Бульбы»? Думаю, всё же из «Тараса Бульбы». А Бунин? В «Жизни Арсеньева» он так написал о значении Гоголя в своей творческой судьбе: «Страшная месь» пробудила в моей душе то высокое чувство, которое вложено в каждую душу и будет жить вовеки, – чувство священнейшей законности возмездия, священнейшей необходимости конечного торжества добра над злом и предельной беспощадности, с которой в свой срок зло карается. Это чувство есть несомненная жажда Бога, вера в Него».

Бунин тоже явно не из гоголевской «Шинели» вышел.

Николай Гумилёв в «Заблудившемся трамвае» нарисовал такой образ России: «А в переулке забор дощатый, Дом в три окна и серый газон...» Вот он – типичный мир «маленьких людей». Но тремя строфами ниже интонация у Гумилёва меняется: «И сразу ветер знакомый и сладкий, И за мостом летит на меня Всадника длань в железной перчатке И два копыта его коня».

Это – пушкинский Медный всадник.

Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нём сокрыта!
А в сём коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?

Русский интеллигент отказался от Медного всадника и выбрал «маленького человека» Евгения, но таков ли был выбор Пушкина? И таков ли вообще правильный выбор? Почему наши Евгений и Параша не могут найти друг друга, не живут душа в душу в своём домике в три окна, не ухаживают за садиком и огородом, не выкармливают коров и коз? Почему «челночат», мотаются по ободранным поездам и автобусам? И это в лучшем случае. В худшем – они спиваются и умирают в своих Коломнах.

Бедный Евгений не жертва Медного призрака – они есть разлучённые душа и тело. Всадник простирает железную длань не над бездной, а над нами. Среди вселенского распада мы поедим в Турцию за шмотками или будем добывать стройматериалы, чтобы построить домик в Коломне, а конь, дыша огнём, неотступно будет скакать за нами.

«Ужо тебе!..» – погрозим мы ему, но никогда не изживём в себе ни Евгения, ни Всадника, хоть «трудно дышать и больно жить». Ибо это и есть наша судьба, наш путь среди других стран и народов. Россия немыслима как без великих идей, так и без «маленького человека». Собственно, трагическое противоречие между ними и рождает наше непостижимое для иноплеменников движение. Великому народу страшна неподвижность. Маленький человек, подхваченный державным потоком, крутится в нём, как утлый челнок в кильватере большого корабля. Он грозит костлявым кулачком в сторону исполина, но что он без него? Куда ему плыть? Отнимите у Башмачкина его департамент, в котором его жизнь расписана по часам и минутам, – и это будет несчастьем куда большим, нежели утрата шинели. Какая там, прости господи, шинель?

Но прозрения башмачкиных, как известно, всегда запаздывают, так что им самим, а не какому-то злому имперскому гению приходится создавать устрашающие символы государства, которое бы их охраняло. Вот Башмачкин без государства – Василиса из романа Булгакова «Белая гвардия». Он говорит, тайный миллионер, после того, как его ограбили мародёры в шинелях с чужого плеча и ветхих николаевских мундирах: «...у меня является зловещая уверенность, что спасти нас может только одно... Самодержавие. Да-с... Злейшая диктатура, какую можно только представить... Самодержавие...» Вот оно – начало движения. «Народу нужен царь», – как говорил Сталин Марии Сванидзе. Движение начинается маленьким человеком и заканчивается им. Он создаёт медных идолов, когда его уничтожают, и мучается их непостижимым холодным величием, когда в безопасности начинает налаживать свой маленький быт. Мы заливаемся слезами, читая про его невзгоды, а это он, между прочим, в тишине пишет доносики и голосует за расстрелы. Нет, не со зла – просто хочет, чтобы его не трогали.

Где же выход?

Если и впрямь существует невидимая, но нерушимая причинно-следственная связь между «маленьким человеком» и героем-идолом, между Евгением и Медным всадником, то не пора ли отправить этого «маленького» в газету, в отдел очерка и публицистики? А в художественной литературе

культивировать главного героя в прямом смысле этого слова – не истукана, конечно, но и не карлика, а полнокровного человека, со всеми его противоречиями, достоинствами и недостатками. Примеров, славу богу, в русской и даже советской литературе предостаточно. Чацкий. Онегин. Татьяна Ларина. Дубровский. Гринёв. Тарас Бульба. Чартков. Печорин. Базаров. Лаврецкий. Лиза Калитина. Отец и сын Болконские. Анна Каренина. Отец Сергей. Раскольников. Мышкин. Братья Карамазовы. Головлёв-старший. Лаевский и фон Корён. Треплев. Челкаш. Фома Гордеев. Васса Железнова. Братья Турбины. Мастер и Маргарита. Мелехов. Нагульнов. Соколов. Корчагин. Тёркин. Прокудин. Зилов. Вон их сколько! А мы говорим: «маленький человек» – основной герой русской литературы! Мы и «маленьких»-то в ней столько не найдём, чтобы противопоставить далеко не полному списку «больших»!

Наверное, великой литературе необходимы всякие герои. Но какие именно герои необходимы для возрождения? – вот вопрос. Здесь поиски так называемой «золотой середины» не помогут.